

Президентские выборы 2024 г. в Руанде

15 апреля 2024 г. в Руанде состоялись президентские выборы. Действующий глава государства 66-летний Поль Кагаме (тутси), баллотировавшийся от правящей партии Руандийский патриотический фронт (РПФ), был переизбран на четвертый – в этот раз 5-летний – срок, получив 99,18% (8,8 млн) голосов избирателей. В любой другой стране подобные результаты посчитались бы «невероятными», но в Руанде при правлении Кагаме выборы стали жестко управляемым электоральным процессом, поэтому, несмотря на рост оппозиции, действующий президент легко одержал «убедительную» победу над двумя соперниками – Фрэнком Хабинезой от Демократической зеленой партии и независимым кандидатом Филиппом Мпайиманой.

Поправка к конституции, внесенная в 2015 г., позволила Кагаме на прошлых выборах – в 2017 г. – в третий раз избраться на 7-летний срок и получить право на баллотирование еще два раза по 5 лет. То есть он может управлять страной до 2034 г.; к этому времени общий период его президентства будет исчисляться 4-мя десятилетиями.

Выборы 2024 г. прошли в знаменательный для страны год, когда Руанда отмечает 30-летний «юбилей» геноцида 1994 г. Последствия этой трагедии сказываются на всех аспектах политической и экономической жизни страны, в том числе на взаимоотношениях между представителями двух крупнейших народов – тутси и хуту, стремящихся, хотя и не всегда успешно, жить в мире и согласии. Безусловно, признание руандийцами ведущей роли Кагаме в прекращении кровавой бойни и по прошествии многих лет оказывает влияние на итоги выборов и на уровень поддержки населением своего лидера.

Фактически обретший политическую власть сразу после геноцида П. Кагаме одерживал электоральные победы в 2003, 2010 и 2017 гг., неизменно получая не менее 90% голосов. Конечно, подобная стабильность в значительной степени объясняется успехами его режима в экономической и политической сферах, но не только этим: руандийский президент использует обширный набор средств, с помощью которых он способен осуществлять практически тотальный контроль над жителями страны, над их действиями и умонастроениями.

В качестве лидера режима еще в 1990-е годы Кагаме поставил перед правительством ряд неотложных задач – восстановления экономики, ослабленной масштабным кровопролитием, укрепления армии и других государственных институтов, достижения политической стабильности и т.д. Если оценивать современное состояние руандийского государства с учетом его военной мощи и способности сохранять монополию на насилие, степени легитимности режима, объемов средств, привлекаемых на развитие, и роста

влияния на происходящие в Африке процессы, можно утверждать, что власти страны добились на этих направлениях колоссальных успехов.

Действительно, Кагаме досталось тяжелое наследство: в результате событий начала 1990-х годов – конфликта между тутси и хуту 1990–1994 гг., геноцида, бегства из страны примерно 2 млн ее жителей (представителей обеих этнических групп) и исхода иностранных специалистов – почти вся экономическая деятельность в Руанде оказалась приостановленной; были разрушены многие инфраструктурные объекты; появилась масштабная нехватка персонала госучреждений, а также сельскохозяйственных и промышленных рабочих. Однако, несмотря на все эти проблемы, Кагаме поставил перед страной амбициозную цель превращения Руанды к 2035 г. в «страну со средним уровнем доходов» (ССУД), а к 2050 г. – в «страну с высоким уровнем доходов».

Уже в конце 1990-х – в 2000-е годы начались быстрая индустриализация, выразившаяся в восстановлении старых и создании новых предприятий обрабатывающей промышленности; ликвидация торговых барьеров; упорядочивание налогообложения, сопровождавшееся ростом поступлений в государственную казну; расширение производства продуктов питания и экспортных сельскохозяйственных культур (чая, кофе и др.); оздоровление инвестиционного климата и т.д. Была создана благоприятная среда для привлечения ПИИ, направлявшихся прежде всего в сектора ИКТ, банковско-финансовый и энергетический. Главными инвесторами в экономику Руанды стали США, Великобритания, Германия, Нидерланды, некоторые другие страны Евросоюза и Китай. В 2023 г. объем только западных ПИИ составил 146 млн долл., увеличившись по сравнению с 2022 г. на 10 млн долл.

Темпы роста ВВП в 2022–2023 гг. достигли 8,2% (в предыдущие несколько лет – около 5%), и предполагается, что в 2024–2026 гг. они сохранятся. Объем ВВП, составивший в 2023 г. 14,1 млрд долл., заметно вырос за 30 лет (в 1993 г. – 1,97 млрд, в 2020 г. – 10,17 млрд), а на душу населения достиг 1000 долл., т.е. почти сравнялся с планкой в 1086 долл., необходимых для обретения статуса ССУД. Однако эти достижения пока омрачаются ростом инфляции (с 13,9% в 2022 г. до 14,3% в 2023 г.), отражающим повышение цен на импортные товары, и незначительным снижением уровней бедности (с 47% в 2019 г. до 45% в 2021 г.) и безработицы (с 43,4% в 2022 г. до 40,2% в 2023 г.).

Несмотря на заметный рост ВВП, его структура за последние 10 лет – с 2013–2014 по 2023–2024 гг. – изменилась мало: вклад сектора услуг несколько снизился – примерно с 50% до 48%, сельского хозяйства – сохранился на уровне в 25%, промышленности – повысился с 17% до 19%. Пока основными секторами обрабатывающей индустрии Руанды являются «традиционные» для многих африканских стран пищевая, мыловаренная,

мебельная, обувная, текстильная, химическая и производство строительных материалов (цемента). Между тем план развития экономики на 2025–2029 гг. (*National Strategy 2025–2029*) предусматривает структурные трансформации в сторону увеличения долей обрабатывающей промышленности и сектора услуг, предпосылки для чего уже сформированы, в частности благодаря созданию 9 промышленных парков, в которых имеется вся необходимая инфраструктура.

Вот в чем Руанда уже добилась больших успехов, это во внедрении информационно-коммуникационных технологий и в развитии ИКТ-сектора экономики. Цифровые инновации широко используются в здравоохранении, городском планировании, в сельском хозяйстве и торговле. В 2022 г. в стране был создан т.н. Центр четвертой промышленной революции (*C4IR*), нацеленный на разработку и адаптацию к местным реалиям таких новшеств, как искусственный интеллект, блокчейн и Интернет вещей.

ИКТ и цифровые технологии занимают важное место в планах социально-экономического развития страны. Национальные стратегии «Видение 2020» и «Видение 2050» предусматривают превращение Руанды в «африканскую лабораторию» инноваций и место сосредоточения технологических стартапов. Хотя вклад сектора ИКТ в ВВП пока составляет лишь 3%, использование таких, пока еще не получивших большого распространения в Африке, ноу-хау, как «противоэпидемические» роботы, отчасти заменявшие врачей во время пандемии *COVID-19*, дроны для доставки медикаментов и т.д., свидетельствует о превращении Руанды в один из региональных «технологических хабов».

Наряду с задачами в сфере экономики Кагаме поставил своими целями постгеноцидное примирение между всеми проживающими в стране народами и достижение полного единения нации. Визуальная политическая стабильность, которой могут позавидовать многие африканские страны, позволяет утверждать, что Кагаме добился определенных успехов и на этом поприще. Однако насколько это видимое единство является подлинным? Ведь, прививая жителям страны, по собственным словам президента, прочное чувство «руандийства», предполагающее отказ от идентификации руандийцами себя в качестве «тутси», «хуту», «тва» и т.д., он прибегает к методам, использование которых обеспечивает не столько полноценное единство, сколько выживаемость режима на фоне заглушаемых, в том числе и принудительно, социальных противоречий.

Так, достижению единства препятствуют переименование Кагаме «геноцида в Руанде» в «геноцид тутси» и манера, в которой ежегодно 7 апреля отмечается Международный день памяти о геноциде в Руанде. Это мероприятие превращается в поминки по погибшим тутси и в напоминание о вине хуту, что лишь препятствует окончательному примирению между двумя группами, тем более что, во-первых, далеко не

все хуту участвовали в геноциде, а некоторые даже укрывали тутси, становясь жертвами экстремистов; во-вторых, за постгеноцидные годы многие хуту – реальные убийцы – уже либо умерли, либо бежали из страны, и остракизму подвергаются те представители этого народа, которые к событиям 1994 г. не могут иметь отношения хотя бы в силу возраста.

В свою очередь, руандийцы, которые пытаются помянуть хуту, погибших от рук бойцов РПФ во время гражданской войны 1990–1994 гг. и во время геноцида, обвиняются в разжигании межэтнической ненависти и становятся жертвами репрессий. То есть поминание памяти погибших тутси и игнорирование жертв-хуту препятствует продвижению идеологии «руандийства» и уж точно не способствует единению нации.

Чтобы избежать обвинений в «подстрекательстве к геноциду», руандийцы вынуждены постоянно подчеркивать свою толерантность, утверждая, что «забыли старые обиды» и готовы строить «Новую Руанду» – оазис стабильности и процветания. Однако «принудительное», достигаемое угрозами, «примирение» становится конфликтогенным фактором, возбуждая подспудные чувства недовольства режимом.

Руанду иногда называют не «государством с армией», а «армией с государством». Сам Кагаме, будучи в течение уже более чем 20 лет гражданским президентом, не избавился от наклонностей военачальника и предпочитает решать политические вопросы не в ходе переговоров, а силой, поэтому армия и другие службы безопасности остаются среди тех немногих формальных институтов, которым президент доверяет и на которые он опирается. Управление военной разведки и Национальная служба разведки и безопасности располагают обширными сетями агентов и информаторов и тщательно «наблюдают» за всеми гражданами страны – от высокопоставленных чиновников до крестьян и мелких торговцев.

Руанда действительно обладает боеспособной армией, насчитывающей 33 тыс. человек, отличающейся дисциплинированностью и высоким уровнем профессионализма. Ее военная мощь отчасти объясняется происхождением из повстанческого движения в изгнании (РПФ был образован в Уганде в 1988 г.), опытом сражений в 1980-е годы в составе угандийского Движения национального сопротивления во главе с Йовери Мусевени, участия в конфликте 1990–1994 гг. между тутси и хуту и преодоления геноцида. Кроме того, руандийские вооруженные силы участвовали во многих многонациональных миротворческих миссиях ООН и Африканского союза, а также в односторонних операциях в ЦАР и Мозамбике, где их деятельность получила высокую оценку африканской общественности.

Большое внимание, которое Кагаме уделяет выстраиванию боеспособной армии, представляется вполне оправданным для страны, пережившей множество катаклизмов и

бурь. Проблема же состоит в том, что армия далеко не всегда используется по ее прямому назначению – для охраны государства. Ради защиты и упрочения своей власти режим прибегает к различного рода репрессиям – запрещением политических партий, арестам независимых журналистов и оппозиционеров, отстранениям последних от участия в выборах, как это произошло, например, с шестью возможными кандидатами на пост президента во время последней избирательной кампании 2024 г., в том числе с двумя женщинами, к убийствам, похищениям и т.д. В свою очередь, силовые структуры усугубляют ситуацию тем, что аресты сопровождаются избиениями и калечением, грабежами и изнасилованиями. Причем и солдаты, и полицейские, особенно набранные из недавних боевиков РПФ, до сих пор, по прошествии трех десятков лет, позиционируют себя в качестве «освободителей» и пребывают в полной уверенности, что им все сойдет с рук. Так оно и происходит. То есть достижение единства и примирения происходит в атмосфере страха и насилия.

Одним из инструментов сохранения видимой стабильности, взятым Кагаме на вооружение, является ослабление не только несистемной, но и системной оппозиции. Члены «карманного» парламента опасаются, дабы избежать наказания, обсуждать наиболее острые вопросы развития страны. Между тем президент, теперь уже не только опытный военный, но и искусный политик, старается представлять свой режим в наиболее выгодном свете, поэтому руандийский депутатский корпус отличается большим присутствием в нем женщин (24 из 80 парламентариев). Формальное достижение гендерного равенства, которое в самом начале своего правления Кагаме провозгласил в качестве одной из важнейших целей режима, не стоило ему никакого труда: почему бы и не ввести в парламент большую группу женщин, которые будут послушно поддерживать политические решения, чтобы избежать отстранения или, еще хуже, насилия?

Однако успешно создаваемая Кагаме видимость «демократического развития» позволяет западным державам, прежде всего США и Великобритании, закрывать, когда им это нужно, глаза на злоупотребления режима и расширять с ним партнерские отношения, выгодные обеим сторонам. В ситуации с Руандой им это действительно «нужно», потому что через нее они получают доступ к природным богатствам соседней Демократической Республики Конго, в отношении которой – под видом защиты тутси на территории этой страны и охраны своих границ от набегов хуту (боевиков ополчения «интерахамве») – Кигали много лет ведет агрессивную политику. И Вашингтон, и Лондон критиковали руандийский режим за вмешательство в дела соседней страны и даже сокращали – временно, в качестве наказания – размеры помощи, однако вскоре возобновляли ее в прежнем объеме, что свидетельствовало о согласованности политики РПФ с Западом.

Что касается контактов между Руандой и Россией, то дипломатические отношения между двумя странами были установлены 17 октября 1963 г. и с тех пор двусторонние связи неоднократно переживали периоды спадов, как, например, в 2022 г., когда Руанда поддержала Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН «Агрессия против Украины», и подъемов: в июне 2024 г. Руанда сняла свою подпись под совместным коммюнике, принятым по итогам организованной Западом в Швейцарии т.н. мирной конференции по Украине. Возможно, этот шаг Кигали объясняется стремлением Кагаме к диверсификации внешней политики и к получению потенциальных выгод от сотрудничества с РФ в военно-технической и гуманитарной сферах. Так, в 2019 г. было заключено межправительственное соглашение о совместном сооружении в Кигали Центра ядерной науки и технологий, а в 2024 г. на Международном форуме «АТОМЭКСПО» – подписан меморандум о взаимопонимании между Томским политехническим университетом и Советом по атомной энергии Руанды, предусматривающий сотрудничество в подготовке кадров и проведении исследований в области ядерной физики и технологий.

В 2016 г. была достигнута договоренность о поставках из России в Руанду военной техники и иной продукции военного назначения, а также о подготовке в РФ руандийских военных. Для реализации этих целей в 2017 г. начала работу российско-руандийская межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству. Поль Кагаме побывал в России, приняв участие в первом саммите Россия – Африка в Сочи.

Между тем товарооборот между Москвой и Кигали пока столь мал (в 2020 г. – 22,7 млн долл.), что в статистических сводках о внешней торговле Руанды его доля оценивается в «0%»; для сравнения: товарооборот с Китаем в 2021 г. превышал 364 млн долл. (18%). Однако сотрудничество в сферах геологоразведки, сельского хозяйства и ИКТ представляется вполне перспективным.

По-видимому, в ближайшие годы не следует ожидать существенных изменений ни во внутренней, ни во внешней руандийской политике, отличающейся заметной противоречивостью. В значительной степени благодаря материальной помощи Запада режиму удалось достичь немалых успехов в области экономики, хотя имущественное неравенство между различными группами населения сохраняется, оставаясь важным фактором конфликтогенности. Успешно обеспечивая посредством тотального контроля свою безопасность, режим Кагаме одновременно создает предпосылки к возникновению проблем, с которыми, возможно, придется столкнуться следующим поколениям руандийцев.

Денисова Т.С.,
к.и.н., вед.н.с., зав. Центром изучения стран Африки южнее Сахары
Института Африки РАН